

К истории блоковского вечера в обществе «Арзамас»

© 2021, Е.В. Иванова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье прослеживается недолгая история петроградского общества «Арзамас», анализируется его связь со вторым Цехом поэтов. Центральное внимание уделено организованному Г. Ивановым и Г. Адамовичем от имени «Арзамаса» в мае 1918 года вечеру, на котором состоялось первое публичное выступление Л.Д. Блок с чтением поэмы «Двенадцать». В скандале, разразившемся вокруг этого вечера, проявилась острота, с которой современники приняли поэму Блока. Анна Ахматова и Владимир Пяст отказались от участия в вечере, при этом, как обоснованно показывается в статье, мотивы их были различны. В статье также приводится оценка Ф. Сологуба произведений Блока, написанных в январе 1918 года, а также предпринимается попытка реконструировать отношение к поэме «Двенадцать» Николая Гумилева.

Ключевые слова: А. Блок; поэма «Двенадцать»; литературные общества; «Арзамас»; мемуаристика; Г. Адамович; Г. Иванов.

Информация об авторе: Евгения Викторовна Иванова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: : <https://orcid.org/0000-0002-2076-0424>. E-mail: evi@l-z.ru.

Для цитирования: *Иванова Е.В.* К истории блоковского вечера в обществе «Арзамас» // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 145–162. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-145-162>

Публикация трех произведений Блока, написанных в январе 1918 года — статьи «Интеллигенция и революция», поэмы «Двенадцать» и стихотворения «Скифы», составивших в его творчестве особую «январскую трилогию» [13], произвела подлинный переворот в отношениях поэта с его ближайшим литературным окружением. Уже после публикации статьи «Интеллигенция и революция» 19 января 1918 года последовали возмущенные отклики, 26 января Блок записывает: «Впечатление от моей статьи («Интеллигенция

и революция”): Мережковские прозрачно намекают на будущий бойкот, Сологуб (!) упоминал в своей речи, что А.А. Блок, которого “мы любили”, печатает свой фельетон против попов, когда громят Александро-Невскую лавру (!)» [4, т. 7, с. 321]. После публикации поэмы «Двенадцать» (3 марта) список тех, кто осуждал позицию Блока, быстро пополнялся, возмущение выразили А.Н. Чеботаревская, А.Г. Горнфельд, П. Губер, А.В. Тыркова-Вильямс; даже один из ближайших друзей Блока В.А. Зоргенфрей высказал свое несогласие [3, с. 389].

Андрей Белый, воспринявший январские произведения Блока полусочувственно, в письме от 16–17 марта 1918 года предостерегал: «Читаю с трепетом Тебя. “Скифы” (стихи) — огромны и эпохальны, как “Куликово Поле”. <...> По-моему, ты слишком неосторожно берешь иные ноты. Помни — Тебе не “простят” “никогда”... Кое-чему из Твоих фельетонов в “Знамени Труда” и не сочувствую, но поражаюсь отвагой и мужеством Твоим» [2, с. 513]. В ответном письме от 9 апреля Блок признавался: «Твое письмо очень поддержало меня, и Твое предостережение я очень оценил. Было (в январе и феврале) такое напряжение, что я начинал слышать сильный шум внутри и кругом себя и ощущать частую физическую дрожь. Для себя я назвал это *Erdegeist*¹ом¹. Потом (ко времени Твоего письма) наступил упадок сил, и только теперь становится как будто легче. А то — было очень трудно: растерянность, при которой всякий может уловить» [2, с. 514].

Некоторые публицисты, и среди них М. Пришвин, решительно зачисляли Блока в ряды большевиков [13, с. 195–197], но поддержка со стороны большевиков была двусмысленной, например, Л.Д. Блок не смогла получить от Театрального отдела Наркомпроса разрешения на публичное исполнение поэмы «Двенадцать», о чем Блок записал 9 марта: «О.Д. Каменева (комиссар Театрального отдела) сказала Любе: “Стихи Александра Александровича (‘Двенадцать’) почти гениальное изображение действительности. Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся”. Марксисты умные, — может быть, и правы. Но где же опять художник и его бесприютное дело?» [3, с. 394]. Мужество временами покидало Блока, «потеряна почва», — записал он 5 марта [3, с. 393].

---

¹ Духом земли (нем.).

На этом фоне развернулась история с вечером общества «Арзамас», состоявшимся 13 мая 1918 года в зале Тенишевского училища, на котором впервые Л.Д. Блок выступила с чтением поэмы «Двенадцать». О самом обществе «Арзамас» известно совсем немного: оно было организовано незадолго до этого вечера и к тому моменту еще ничем не успело себя прославить. Сложилась традиция связывать «Арзамас» со вторым Цехом поэтов, именно так оно представлено в хронике «Литературная жизнь России» под 31 марта 1918 года: «Организовано общество “Арзамас”. Участники — литераторы, близкие к журналу “Аполлон” и 2-му Цеху поэтов» [15, с. 109]. Еще более решительно констатирует эту связь А.Г. Мец в статье «Как сделан “Арзамас” Георгия Иванова»: «Реальный “Арзамас” — общество, в которое был преобразован второй Цех поэтов» [16, с. 312].

Но как следует из той же летописи «Литературная жизнь России», история 2-го Цеха поэтов развивалась параллельно и независимо от «Арзамаса». 19 марта в газете «Московский вечер» была опубликована информация о возобновлении деятельности петроградского Цеха поэтов (2-го), где сказано, что Цех в новом составе «отказался от издательской деятельности ввиду невозможности издавать книги и ограничился кружковыми рефератами» [15, с. 134]. Между тем первое обращение от лица «Арзамаса» к Блоку было связано именно с издательской деятельностью, о чем он записал 7 апреля 1918 г.: «Георгий Викторович Адамович предлагает издать “Двенадцать” для начала нового издательства “Арзамас” (типа некрасовского)» [3, с. 398]. 8 апреля Блок обсуждал с Ивановым-Разумником «предложение Адамовича. Издание статей» [3, с. 399], очевидно, подразумевалось издание цикла статей Блока о народе и интеллигенции, которые в январе-феврале печатались в «Знамени труда».

Второй «Цех поэтов», как отмечал Н.А. Богомолов, «был создан в 1916 г. 1 октября Гумилев сообщал Ахматовой: “Адамович с Г. Ивановым решили устроить новый цех, пригласили меня. Первое заседание провалилось, второе едва ли будет” <...> Однако этот “Цех” просуществовал до 1917 г.» [8, с. 170]. Г. Адамович в беседе с Ю. Иваском перечислил имена его участников: «Во второй “Цех” вошли участники старого (Мандельштам, Лозинский, Г. Иванов) и новые члены (Рождественский, Оцуп, Адамович, Одоевцева, Нельдихен, Ходасевич приехал из Москвы). Собирались два раза в месяц в Доме Искусства. Разбор формальный, придирались к мелочам, говорили иногда резко, но все же дружелюбно. Потом пили чай, ели пирожные, но не ужинали (время было голодное)» [8, с. 150]. Как видим, повестка второго Цеха ни в чем не совпадает с «Арзамасом», не

совпадает и место локации — Дом искусств, объединяет их лишь то, что в число учредителей того и другого входили Адамович и Иванов.

«Арзамас» был не поэтическим, а просветительским объединением, о чем сказано в протоколе учредительного собрания: «В полном согласии с культурно-просветительскими начинаниями советской власти, общество “Арзамас” ставит себе целью способствовать культурному развитию народа»; предполагается «проведение лекций и выставок, издательская деятельность и организация библиотек и книжной лавки». В правление помимо Адамовича и Иванова вошли И. Средник и г. Босняцкий (казначей) [15, с. 109]. Во всех последующих документах и воспоминаниях в качестве членов общества «Арзамас» фигурируют только эти четыре фамилии.

Есть основания доверять тому, как история возникновения этого объединения изложена в очерке Г. Иванова «Арзамас»: «Основываясь, “Арзамас” не думал быть ни “Арзамасом”, ни “литературно-художественным”. В замыслах основателей он рисовался нарядной кондитерской. Уже и название было придумано — “*Quelques douceurs*”². Иванов поясняет, что в тот момент одно за другим открывались частные кафе, кондитерские, чайные и «“Арзамас”, по первоначальному замыслу, должен был увеличить на единицу число таких кафе. Но затеяли его слишком поздно. К этому моменту большевики уж очень стали притеснять всякую “частную торговлю”. На один эклер накладывалась стоимость двух налогов. Слишком часты стали поиски оружия. Тем более, что за отсутствием оружия забиралась касса, по тем, вероятно, соображениям, что капитал и есть злейшее оружие для угнетения пролетариата. Тут основателям и пришла мысль объединиться с поэтами, желавшими открыть книжную лавку» [11, с. 387–388].

По версии Г. Иванова, «Арзамас» был двусоставным предприятием, в котором они с Адамовичем представляли «поэтов, желавших открыть книжную лавку», их вклад в деятельность общества он описал так: «Несколько стульев, две сотни книг и портрет Мандельштама работы Зельмановой (крайне пестрое полотно, все в рыже-красных клетках) были перевезены в угловую комнату подвала, и литературно-художественно-кондитерская деятельность “Арзамаса” началась» [11, с. 389]. Это и есть тот, по выражению Р.Д. Тименчика, «фактический субстрат» истории «Арзамаса» [19, с. 67], который удается извлечь из очерка Георгия Иванова. Еще об одной цели, которую преследовали организаторы «Арзамаса», он не

² «Немного сладостей» (*фр.*).

пишет, но она считывается благодаря протоколу, который приводит А.Г. Мец в своей статье [16, с. 314]:

ЦЕХ ПОЭТОВ

Верейская 11, тел. 237-71.
Петроград, 16 апреля 1918 г.

Бюро Цеха поэтов, прилагая при сем копию Протокола Учредительного Собрания Лит. О–ва Арзамас просит т. Комиссара по Делах Искусства не отказать в получении О–вом необходимых восьми (8 000) тысяч рублей с текущего счета члена О–ва г.В. Босняцкого (счет Конторы Государственного Банка № 237879).

Георгий Адамович
Георгий Иванов.

В пояснении к этому протоколу А.Г. Мец писал: «комиссар по делам искусств — это А.В. Луначарский, курировавший коллегия по делам искусств при СНК. Он и после переезда правительства в Москву 10 марта оставался в Петрограде, занимая одновременно пост комиссара по просвещению Совета Народных Комиссаров Петроградской Трудовой Коммуны» [19, с. 314]. В воспоминаниях Г.В. Иванова есть отдельная глава «Прием у Луначарского» [11, с. 271–280], и похоже, что на прием поэты попали в связи с «Арзамасом», а в секретаре наркома легко узнаются черты Рюрика Ивнева, имя которого очень скоро появится на афише вечера «Арзамаса». Очевидно, что хлопоты об извлечении арестованного капитала велись при его посредничестве. Марка Цеха поэтов была пущена в ход с той же целью. К сожалению, в опубликованном дневнике Ивнева никаких сведений об этих хлопотах нет, в тот момент он находился в разъездах между Москвой и Петроградом и либо записей не вел, либо позднее уничтожил их в ходе переписывания дневника [14, с. 334–335].

Есть основания отождествить упомянутого в этом протоколе, а потом и на афише Илью Средника с описанным в очерке Г. Иванова «Арзамас» креативным инженером С., который приехал «из Чикаго в 1917 году “организовывать промышленность”. Когда в 1918 году оказалось, что организовывать нелегко, — деятельная натура С. устремилась на поэзию» [11, с. 389]. Однако поэтические успехи Средника ограничились так и не увидевшими свет переводами из Омара Хайяма.

Для проведения вечера общества «Арзамас» организаторы избрали зал Тенишевского училища, главным событием вечера по

замыслу устроителей должно было стать выступление Л.Д. Блок с чтением поэмы «Двенадцать». После уже упоминавшейся неудачной попытки устроить выступления через Театральный отдел, возник новый план. 22 февраля Блок записал: «Люба вечером в “Привале комедиантов”. Сговорилась читать “Двенадцать” в течение месяца за 900 руб. (“гвоздь программы”）」 [3, с. 390], но эти выступления должны были начаться только осенью. Видимо, Г. Иванов в качестве завсегдатая «Привала комедиантов» знал об этих планах и обратился к Л.Д. Блок с предложением выступить на вечере «Арзамаса». 21 апреля 1918 г. Блок записал: «У Любы днем Георгий Иванов (зовет нас выступить на вечере и хочет издавать “Двенадцать”）」 [3, с. 401].

Блок был хорошо знаком с Георгием Ивановым, состоял с ним в переписке с 1911 года, но в ходе общения Иванов успел зарекомендовать себя не с лучшей стороны, сделав несколько денежных займов без отдачи [9, с. 415–416]. Поэтому он начал с обращения к Л.Д. Блок и, заручившись ее согласием, получил от Блока право поместить его имя в числе выступающих на афишу, но при этом участвовать в вечере Блок не собирался.

Первый вариант афиши, сохранившийся в собрании П.Н. Лукицкого, приводим по публикации А.Г. Меца:

ТЕНИШЕВСКИЙ ЗАЛ

(Моховая, 33)

Понедельник, 13 мая (30 апреля) 1918 г.

О-во АРЗАМАС

(первое собрание)

ВЕЧЕР

ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

участвуют: Георгий Адамович, Анна Ахматова, Александр Блок, Георгий Иванов, Рюрик Ивнев, М. Кузмин, О. Мандельштам, В. Пяст и др.

Л.Д. Басаргина-Блок

прочтет поэму А. Блока

«Двенадцать»

О.А. Глебова-Судейкина — стихи Пушкина и Ин. Анненского

Музыка — Артур Лурье

Пролог Арзамаса.

Начало в 6 час. веч.

Билеты (ненумерован.) от 10 до 2 р. у Вольфа (Невский, 13), Шредера (Невский, 52), М. Яснаго (б. Попова, Невский, 66), в «Книжном углу» (пр<отив> Цирка) и при входе [16, с. 318].

Сразу после появления этого первого варианта афиши разразился скандал, 10 мая в правозэсеровской газете «Дело народа» появилась заметка «Тоска по сретению», приводим ее полный текст:

На улицах висят многообещающие афиши о вечере поэтов общества «Арзамас». Афиши по новой орфографии, с поэмой Блока «Двенадцать» и вообще с обещанием «сретений». В числе участвующих объявлен ряд поэтов, двое из которых заявили следующее: «Прочитав свое имя среди имен участников вечера поэтов “Арзамас”, считаю нужным заявить, что согласия на участие в этом вечере я не дала и просила мое имя в программу не ставить». *Анна Ахматова*. «На понедельник, 13 мая, общество “Арзамас” объявило “Вечер С-Пб поэтов”, в числе участников которого значусь и я. Вынужден заявить, что согласия на помещение моего имени я не давал, и выступать на вечере с такую программю и с гг. Рюриком Ивневым и Александром Блоком в числе участников не считаю для себя возможным». *Вл. Пяст*. История повторяется: в свое время был объявлен вечер, где «русская интеллигенция» должна была демонстрировать свою любовь к советской власти в лице г. Луначарского. Увы, и тогда для большинства намеченных к «сретенью» (Петрова-Водкина, Иванова-Разумника и др.), появление их фамилий на афишах оказалось сюрпризом³.

Несмотря на то, что биографы и комментаторы Блока постоянно ссылаются на эту заметку, многие выводы, сделанные со ссылками на нее, нуждаются в уточнениях. Прежде всего, комментарий заслуживает содержащееся в заглавии слово «сретение», ставшее к тому моменту знаковым с легкой руки наркома А.В. Луначарского. 15 и 17 ноября 1917 года Луначарский опубликовал в газете «Правда» обращение к интеллигенции, предлагая ей встать на путь сотрудничества с большевиками. Откликнулся на призыв один Иероним Ясинский, беседу с которым Луначарский изложил в статье «Сретение» («Известия», 17 ноября), где, приветствуя приход Ясинского, писал: «...у него были ошибки, он бывал в чужих нам лагерях, но все-таки честь ему, старому литератору, который... берет на руки новорожденную свободу и поет ей песни, глотая искренние слезы» [18, с. 61]. Журналисты самых разных толков, а также М. Горький, подняли эту статью на смех, а слово «сретение» употреблялось после этого только с ироническим оттенком.

³ Дело народа. 1918. 10 мая. № 38. С. 2.

31 декабря 1917 года в газете правых эсеров «Дело народа» появилась заметка «Очередное сретение», она была написана по поводу организованного Рюриком Ивневым митинга «Народ и интеллигенция». На афише митинга в числе участников без их согласия были поставлены имена А. Блока, К.С. Петрова-Водкина и Иванова-Разумника [13, с. 106–109], которые на митинг не пришли, «сретение», таким образом, не состоялось, что и было тогда отмечено⁴.

Заметка «Тоска по сретению» продолжила эту тему, поместив отказы Ахматовой и Пяста, имена которых значились на афише вечера, выступать на нем. Однако внимательно заметку прочитали тогда весьма немногие, никто не обратил внимания, что отказы выступать на вечере Ахматовой и Пяста имели разную мотивировку, они не случайно в тексте заметки помещены отдельно. Для начала еще раз процитируем письмо Ахматовой: «Прочитав свое имя среди имен участников вечера поэтов “Арзамас”, считаю нужным заявить, что согласия на участие в этом вечере я не дала и просила мое имя в программу не ставить». Совсем другие мотивы, напрямую связанные с предстоящим чтением поэмы «Двенадцать», приводил Пяст. Вопреки этому утвердилось мнение об их солидарной позиции, причем — на основании записи Блока от 11 мая 1918 года: «Поразительное известие от Разумника Васильевича (вчерашний № “Дела Народа” — отказы Пяста и Ахматовой от меня. Сологуб тоже)» [3, с. 406]. Очевидно, что Блок заметку не видел, возможно, не видел ее и Иванов-Разумник, иначе бы он не присоединял к Ахматовой и Пясту еще и Сологуба, имени которого не было ни на афише, ни в заметке «Тоска по сретению». Вероятно, об отказе Сологуба выступать на вечере Иванов-Разумник узнал из других источников.

Запись Блока от 13 мая говорит о том, что благодаря Иванову-Разумнику он прочно утвердился во мнении, что все трое отказались выступать именно из-за его поэмы: «Вечер “Арзамаса” в Тенишевском училище. Люба читает “Двенадцать”. Отказались Пяст, Ахматова и Сологуб» [3, с. 406]. Благодаря данной записи в научной литературе стало традицией объединять эти имена, например, в комментариях В.Н. Орлов указывал: «В правозэсеровской газете “Дело народа” 10 мая 1918 г. В. Пяст, А. Ахматова и Ф. Сологуб объявили, что отказываются участвовать в литературном вечере кружка “Арзамас”, поскольку в программе стоит исполнение поэмы “Двенадцать”» [5, с. 452]. То же самое повторено и в летописи «Литературная жизнь России», причем со ссылкой на заметку «То-

⁴ Дело народа. 1917. 31 декабря. № 245. С. 2.

ска по сретению»: «включение поэмы “Двенадцать” в программу вечера стало причиной отказа от выступления на нем А. Ахматовой, В. Пяста и Ф. Сологуба» [15, с.187]. Однако правомерность этого объединения вызывает сомнения.

Например, Ф. Сологуб в заметке «Тоска по сретению» вообще не упоминался, и его отказ от участия в вечере был лишь косвенно связан с поэмой «Двенадцать», поскольку он тогда еще не успел ее прочитать, о чем вспоминал Г. Адамович: «Литературный вечер эфемерного общества “Арзамас” в Тенишевском зале. 1919 год. Жена Блока, Любовь Дмитриевна Басаргина, должна читать “Двенадцать”. Кроме поэтов более или менее “своих” решили пригласить Федора Сологуба. Принял он Георгия Иванова и меня очень вежливо и очень холодно. Не давая еще согласия, справился о программе вечера. — Раз будет чтение “Двенадцати”, я участвовать не могу. — Федор Кузьмич, что Вы! Вы читали “Двенадцать”? <...> “Нет, не читал. И читать такую мерзость не намерен”. “Как? Правда, не читали?” “Нет, не читал. И вообще новейших мерзостей не читаю”. Настаивать было бессмысленно и бесцельно» [1, с. 461–462]. Судя по записи в дневнике Чуковского от 25 апреля 1922 года, Сологуб прочитал поэму «Двенадцать» достаточно поздно: «Я только теперь познакомился с этой вещью — ужасная» [24, с. 38].

И поскольку публично свое отношение к январским произведениям Блока Сологуб тогда никак не выражал, он продолжал общаться с Блоком как ни в чем не бывало, что тот отмечал с некоторым удивлением. Например, запись 12 марта: «Приглашение от Ф. Сологуба (!) в Академию художеств» [3, с. 394]. В день вечера общества «Арзамас» 13 мая Блок получил от Сологуба письмо «с предложением ответить на анкету профессионального союза» [3, с. 407]. Блок составил ответ, но материалы анкеты по каким-то причинам тогда остались ненапечатанными, впервые «Ответ на анкету Союза деятелей художественной литературы» был опубликован в «Литературном наследстве» [6, с. 675–676], в собрании сочинений печатается под заглавием «Что сейчас делать?..» [4, т. 6, с. 58–59]. К сожалению, комментаторы не учитывают обстоятельства, в которых Блок отвечал на вопросы анкеты и которые в значительной степени объясняют вызывающий тон ответов. Закончив с анкетой, Блок записал: «Ответив, я таки пошел на вечер, и читал (с успехом)» [3, с. 407]. Надо отметить, что резкий тон высказываний Блока не повлиял на его отношения с Сологубом, который, возможно, вообще не узнал о том, как его отказ участвовать в вечере «Арзамаса» был расценен Блоком.

Похоже обстояло дело и с Ахматовой. Ни в воспоминаниях, ни в более поздних рассказах об истории своих отношений с Блоком эпизод с вечером «Арзамаса» она не упоминала, нет в ее высказываниях и прямых оценок поэмы «Двенадцать». Вряд ли за заявлением Ахматовой стояли политические причины: в вечере «Арзамаса» приняли участие ее ближайшие друзья тех лет — Ольга Судейкина и Артур Лурье.

Отказ Ахматовой мог быть связан с ее недружественным отношением к «двум Жоржикам» — Г. Адамовичу и особенно к Г. Иванову. Показательна история, переданная Л.К. Чуковской как «маленький эпизод из Левиного детства»: «Пришли два эстета: Георгий Иванов и Георгий Адамович. Лева слушал их, слушал и вдруг спросил: “Где вы живете, дураки?”» [22, т. 2, с. 228–229]. Ахматова пересказывала слова сына с явным одобрением, поводом же для визита «Жоржиков» вполне могло быть приглашение принять участие в вечере «Арзамаса». Об этих «двух эстетах» Ахматова всегда отзывалась с неприязнью: «Я помню Адамовича здесь, в нашем мире, в Доме Литераторов на Бассейной. Его и Георгия Иванова, которого я терпеть не могла и боялась из-за красных губ и пробора» [22, т. 2, с. 377–378].

Итак, единственным человеком, отказавшимся выступить на вечере именно из-за поэмы «Двенадцать», оказался Вл. Пяст, что было особенно болезненно для Блока, поскольку Пяст входил в число тех, кого поэт называл в числе своих «действительных друзей» [3, с. 309]. Их исключительно содержательные и духовно напряженные отношения отражены как в воспоминаниях Вл. Пяста «Встречи» [18], так и в их переписке, опубликованной З.Г. Минц [17]. Но именно Пяст публично заявил тогда: «...выступать на вечере с такою программой и с гг. Рюриком Ивневым и Александром Блоком в числе участников не считаю для себя возможным». Более того, спустя месяц с небольшим, 29 июня 1918 года Блок записал: «Встреча с Пястом, который “не подал руки”. После этого (вероятно) — зараза» [3, с. 414]. На следующий день после этой встречи Пяст вернул Блоку давнишний долг и в письме предлагал внести «добавочную сумму», чтобы компенсировать разницу в курсе [18, с. 227], проявив оскорбительную для поэта щепетильность.

Именно Пяста Блок имел в виду в «Записке о “Двенадцати”», написанной 1 апреля 1920 года, упоминающая друга, который «только один до сих пор не подает мне руки» [13, с. 247]. 22 октября 1920 года после вечера в клубе поэтов Блок записал: «Пяст, топорщащийся в углах (мы не здороваемся по-прежнему» [4, т. 7, с. 371]. Непримируемую позицию Пяста пыталась сгладить Н. Павлович,

утверждая, будто бы Пяст «на каком-то вечере в Доме искусств, в артистической, подошел к Блоку с протянутой рукой. Александр Александрович ответил на его рукопожатие. Я их оставила вдвоем. Потом Пяст рассказывал, что он заходит к Блоку, но прежняя близость так и не восстановилась» [7, с. 478]. Этому свидетельству нет оснований доверять: невозможно себе представить, чтобы Блок не отметил в записной книжке даже условное примирение с Пястом. А тот так и не примирился с поэмой Блока, вспомнив о ней в некрологе поэту: «Появляются “12” — многих, надолго отделившая от него поэма...»⁵.

Возвращаясь к вечеру «Арзамаса», отметим, что никакие отказы не повлияли на его судьбу, афиша во втором варианте получила существенное пополнение:

Общество «Арзамас»

(первое собрание)

ВЕЧЕР

ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

13 мая 1918 года

I

Пролог Арзамаса (соч. Георгия Адамовича) О.А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА

В. ПЯСТ

АННА РАДЛОВА

РЮРИК ИВНЕВ

«Двенадцать», поэма А. Блока – Л.Д. БАСАРГИНА-БЛОК

II

Стихи Пушкина – О.А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА, АРТУР ЛУРЬЕ

Стихи Ин. Анненского – О.А. ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА

III

А. БЛОК

О. МАНДЕЛЬШТАМ

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ

М. КУЗМИН

Книгоиздательство АРЗАМАС

Ближайшие издания

⁵ Вестник литературы. 1921. № 8 (32). С. 12.

Платон. Пир. Пер. Сергея Радлова. Ла-Брюйер. О сердце. Фрагмент. Омар Кайям. 99 рубайят. Пер. Ильи Средника. «Старые арзамасцы». Сборник ⁶.

Имя Пяста устроители исключить забыли, но зато Блок стал реальным участником вечера, к этому его подтолкнуло полученное накануне письмо от Г. Адамовича:

Многоуважаемый Александр Александрович.

Простите, что я тревожу Вас таким делом, как участие в вечере. Любовь Дмитриевна передала нам Ваш отказ, и мы бы не думали еще раз беспокоить Вас. Но с тех пор многое выяснилось.

Мне не зачем повторять, — Вы вероятно сами знаете все что сплелось вокруг Вас и «Двенадцати». Лично для меня это неожиданно и непонятно.

Но теперь, когда Арзамасский вечер почти гибнет от этого, нам надо все-таки думать о нем. Уже не только по общим соображениям, но и из-за всего, что говоришь и слушаешь, мы просим Вас быть самому на вечере и читать стихи.

Это было бы очень дорого нам, и «показательно», и очень мы надеемся, что, может быть, Вы измените первоначальное ваше решение.

Мне очень стыдно, что это письмо надоедливое и «деловое» и что обращаясь к Вам не говорил о Двенадцати, мне сейчас, в этом письме, невозможно говорить, что для меня с Двенадцатью связано и как я «привязан» к ним.

Г. Адамович. Верейская, 11 ⁷.

Вопреки опасениям Адамовича, вечер оказался удивительно успешным, хотя не все обозначенные на афише поэты приняли в нем участие. Вместо отсутствовавших в Петрограде Рюрика Ивнева и Осипа Мандельштама на вечере выступил только что вернувшийся в город Н.С. Гумилев, о чем его свояченица А.А. Гумилева вспоминала: «Помню, как однажды Коля, такой бодрый и веселый, пришел к мужу в кабинет и пригласил нас в Тенишевское училище на литературное утро. Выступали там — Коля, А.А. Блок, жена Блока — Любовь Дмитриевна и молодые поэты. Зал был переполнен.

⁶ РГАЛИ. Ф. 993. Оп. 1. Ед. хр. 190.

⁷ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 6–7. Датируется на основании пометы Блока на л.6: Получено 12.V.1918. Обращает внимание, что адрес Адамовича совпадает с тем, который указан в протоколах «Арзамаса».

Любовь Дмитриевна в первый раз публично прочла “Двенадцать”. Когда она продекламировала последние слова поэмы “В белом венчике из роз, впереди — Иисус Христос” — в зале поднялся сильный шум. Одни громко аплодировали, другие шикали, свистели, громко кашляли. Творилось что-то ужасное! Зал еще бушевал, когда мы увидели с мужем, что на эстраду не спеша поднимается наш Коля. Мне было за него как-то не по себе. Мы сильно за него волновались. Коля поднялся на эстраду и стал. Он стоял спокойно, выдержанно. Ждал пока публика перестанет бушевать. Мало-помалу шум улегся. Коля подождал еще некоторое время. И тогда, когда все успокоилось, он стал читать свои “Персидские газеллы”. После него выступил А. Блок. Только на следующий день Коля нам рассказал, что А. Блок отказался сейчас же после поэмы “Двенадцать” выйти на эстраду. Тогда Коля решил его выручить и вышел раньше времени, не по программе» [10, с. 76].

Из-за предшествовавших вечеру осложнений выступление стоило Блоку большого внутреннего напряжения, например, Л. Страховский даже обвинял Блока в трусости: «Первая часть утренняя закончилась первым публичным чтением поэмы Блока “Двенадцать”, эффектно продекламированной его женой, которая выступала под своей сценической фамилией: Басаргина. По окончании этого чтения в зале поднялся бедлам. Часть публики аплодировала, другая шикала и стучала ногами. Я пошел в крохотную артистическую комнату, буквально набитую поэтами. По программе очередь выступать после перерыва была за Блоком, но тот с трясущейся губой повторял: “Я не пойду, я не пойду”. И тогда к нему подошел блондин среднего роста с каким-то будто утиным носом и сказал: “Эх, Александр Александрович, написали, так и признавайтесь, а лучше бы не написали”. После этого он повернулся и пошел к двери, ведущей на эстраду. Это был Гумилев» [10, с. 245]. Но «с трясущейся губой» Блока запомнил только Страховский, Вс. Рождественский запомнил трагическое выражение лица Блока в момент его появления за кулисами: «И тут я впервые близко увидел его лицо. Оно было безмерно уставшим и, как мне казалось тогда, покрытым паутиной презрительного равнодушия. Не торопясь, холодно и несколько дерзко Блок обвел взглядом присутствующих. Все, потупившись, молчали. Молчал и он, видимо чего-то выжидая, готовый ко всему. Горько дрогнули уголки его тяжелого скорбного рта» [5, с. 199].

Блок не преувеличивал, когда писал об успехе, сопутствовавшем его выступлению на вечере, о чем свидетельствует заметка в газете «Петроградский голос» от 15 мая: «Курьезно читать программы

и афиши, напечатанные зачем-то по новому правописанию, без ятей, ериков, без десятиричных *i*; забавно слушать, как один за другим выступали косноязычные, шепелявые, многоглаголивые стихотворцы “приготовительного класса” — г. Адамович, Георгий Иванов, Майзельс, Рождественский и другие, имена же их Ты, господи, веши... Бесплодно было догадываться, зачем эти господа присвоили себе славное имя “Арзамаса” Александровской эпохи, блиставшего именами Пушкина, Жуковского и т.д. Но довольно одного луча солнца, чтобы скрасить и оживить самый грустный ландшафт. Когда художественно, с большим настроением и подъемом, г-жа Басаргина-Блок прочитала потрясающую лирическую поэму Блока “Двенадцать”, мы давно не слышали таких рукоплесканий, какие раздались после чтения г-жи Басаргиной. Появление на эстраде самого г. Блока было настоящим триумфом. Он прочел пять стихотворений, и каждое из них вызывало бурные восторги. Но как переменялся поэт: это уже не прежний мечтательный рыцарь Прекрасной дамы, не бодрый некогда певец России, теперь — это пораженный в самое сердце провидец в грядущем дней новых “мятежей и войн”, разочарованный, мрачно настроенный поэт-пессимист. После Блока не хотелось уже никого слушать, и публика стала энергично расходиться» (цит. по: [16, с. 322–323]).

Единственные, кто не оставил никаких воспоминаний о вечере, были его устроители — Г. Адамович и Г. Иванов, а между тем благодаря им «Двенадцать» впервые прозвучали со сцены в исполнении Л.Д. Блок, так что вечер в некотором роде стал важной вехой в истории поэмы. В очерке Г. Иванов «Арзамас» упоминает вечер с участием певицы Зои Лодий, а о вечере, где выступали одновременно Блок и Гумилев, не сказано ни слова, в лаврах первых пропагандистов поэмы «Двенадцать» «арзамасцы» явно не нуждались. Объяснение их общей «забывчивости» содержится в статье о Блоке Адамовича: «“Двенадцать” одна из тех вещей, которые похожи на быстро опьяняющее вино: о нем не скажешь, что оно “чем старше, тем сильнее”. Поэма всем вскружила голову, ее чарам нельзя было противиться. Но прошли годы — и она обветшала, выветрилась. Чувствуется остов, “дно”, не во что вчитываться» [1, с. 296]. Видимо в этой перемене и состоит причина «забывчивости», потому что само творчество Блока оставалось одним из постоянных предметов размышлений как Адамовича, так и Иванова.

Совсем по-разному описывали Адамович и Иванов отношение к поэме Блока Н. Гумилева, о котором Иванов в «Петербургских зимах» писал: «Гумилев особенно осуждал Блока за “Двенадцать”».

Помню фразу, сказанную Гумилевым незадолго до их общей смерти, помню и холодное, жесткое выражение его лица. Когда он убежденно говорил: “Он (т.е. Блок), написав ‘Двенадцать’, вторично распял Христа и еще раз расстрелял Государя”. Я возразил, что, независимо от содержания, “Двенадцать” как стихи близки к гениальности. “Тем хуже, если гениально. Тем хуже и для поэзии, и для него самого. Дьявол, заметь, тоже гениален — тем хуже и для дьявола, и для нас...”» [11, с. 183]. В полном противоречии с этим свидетельством находятся слова Г. Адамовича, относящиеся к 1926 году: «Гумилев сразу, с первого дня приветствовал “Двенадцать”, восхищался поэмой и считал ее лучшей вещью Блока. А уж о том, чтобы Гумилев не подал Блоку руки, никогда, ни при каких обстоятельствах, не могло быть и речи. Для Гумилева выше политики, выше патриотизма, даже, может быть, выше религии была поэзия, не обособленна от них, а их в себе вмещающая и своей ценностью их отдельные заблуждения искупающая. В “Двенадцати” для Гумилева заблуждения или ошибки не было. Но если бы он заблуждение там и нашел, он простил бы его за качество стихов» [11, с. 704].

Еще одно свидетельство принадлежит К. Чуковскому, оно говорит о том, что истина лежит посередине. Чуковский присутствовал на лекции Гумилева вместе с Блоком, отметившим в записной книжке 4 июля 1919 года: «Мы с Чуковским и Евдокией Петровной <Струковой> слушали в институте графа Зубова последнюю (4-ю) лекцию Гумилева обо мне (анализ “Двенадцати”» [3, с. 465]. Содержание лекции Чуковский передал в самых общих чертах: «Вчера в Институте Зубова Гумилев читал о Блоке лекцию — четвертую. Я уговорил Блока пойти. Блок думал, что будет бездна народу, за спинами которого можно спрятаться, и пошел. Оказались девицы, сидящие полукругом. Нас угостили супом и хлебом. Гумилев читал о “Двенадцати” — вздор — девицы записывали. Блок слушал, как каменный. Было очень жарко. Я смотрел: — его лицо и потное было величественно: Гёте и Данте. Когда кончилось, он сказал очень значительно, с паузами: мне тоже не нравится конец “Двенадцати”. Но он цельный, не приклеенный. Он с поэмой одно целое. Помню, когда я кончил, я задумался: почему же Христос? И тогда же записал у себя: “к сожалению, Христос. К сожалению, именно Христос”» [23, с. 253].

Из этой записи следует, что между Блоком и Гумилевым состоялся разговор о финале поэмы «Двенадцать», но при этом отношение Гумилева к поэме ничем не напоминало то, как передавал его Г. Иванов.

Литература

1. *Адамович Г. В.* Собр. соч.: «Комментарии» / сост. О.А. Коростелев. СПб.: Алетей, 2000. 757 с.
2. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
3. *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М.: ИХЛ, 1965. 663 с.
4. *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л: ГИХЛ. 1960–1963.
5. Блок в воспоминаниях современников / сост., подготовка текста и коммент. Вл. Орлова: в 2 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 2. 527 с.
6. [Блок А.] Из неизданных текстов Александра Блока / публ. Вл. Орлова // Литературное наследство. М.: Жур.-газ. объединение, 1937. Том 27-28. С. 675–682.
7. Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. 575 с.
8. *Богамолов Н.А.* Проект «Акмеизм» // Новое литературное обозрение. 2002. № 58 (6). С. 140–180.
9. Георгий Владимирович Иванов: Исследования и материалы: 1894–1958: II Международная научная конференция / отв. ред. Р.Р. Кожухаров. М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2021. (В печати).
10. Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников / сост. Ю.В. Зобнин, В.П. Петрановский, А.К. Станюкович. Л.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1991. 333 с.
11. *Иванов Г.* Китайские тени. Мемуарная проза / сост. С.Р. Федякин. М.: АСТ, 2013. 778 с.
12. *Иванова Евг.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М.: Росток. 2012. 604 с.
13. *Иванова Евг.* Январская трилогия Александра Блока: «Интеллигенция и революция», «Двенадцать», «Скифы». М.: Рутения. 2020. 304 с.
14. *Ивнев Рюрик.* Дневник: 1906–1980 / сост. Н.П. Леонтьев, коммент. А.П. Дмитриева. М.: Эллис Лак, 2012. 877 с.
15. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Том 1. Часть 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН. 2005. 766 с.
16. *Мец А.Г.* Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб: Издательский Дом «Гиперион», 2020. 356 с.
17. Переписка <А. Блока> с Вл. Пястом / статья, публ. и комм. З.Г. Минц // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 175–228.
18. *Пяст Вл.* Встречи / под ред. Р. Тименчика. М.: НЛЮ, 1997. 416 с.
19. *Тименчик Р.Д.* О фактическом субстрате мемуаров Г.В. Иванова // De visu. 1994. № 1/2 (14). С. 67.
20. *Тименчик Р.Д.* Пяст В. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 228–231.
21. *Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим–М.: Мосты культуры, 2008. 686 с.
22. *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997.
23. *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра- Книжный клуб, 2006. Т.12: Дневник: 1901–1921 / коммент. Е. Чуковской. 591 с.
24. *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. М.: Терра- Книжный клуб, 2006. Т.13: Дневник: 1922–1925 / коммент. Е. Чуковской. 656 с.

Research Article

On the History of Aleksandr Blok Party in Arzamas Society

© 2021, Evgeniia V. Ivanova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The paper traces the history of a short-lived Petrograd literary society “Arzamas” and analyses its connections with the Second Workshop of Poets. A special attention is paid to the Party organized by G. Ivanov and G. Adamovich on behalf of Arzamas society in May 1918. At the party L.D. Blok made her first public performance reciting Blok’s poem *The Twelve*. The scandal that took place during the party, demonstrated the overreaction of Blok’s contemporaries to the poem. Anna Akhmatova and Vladimir Piast refused to participate in the party – for different reasons, as it is proved in paper. The paper also considers F. Sologub’s opinion of Blok’s works written on January 1918. An attempt is made to recreate Nikolay Gumilev’s attitude to the poem *The Twelve*.

Keywords: A. Blok; poem *The Twelve*; literary societies; Arzamas society; memoirs; G. Adamovich; G. Ivanov.

Information about the author: Evgeniia V. Ivanova — DSc in Philology, Leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: : <https://orcid.org/0000-0002-2076-0424>. E-mail: evi@l-z.ru.

For citation: Ivanova E.V. “On the History of Aleksandr Blok Party in Arzamas Society.” *Literaturnyi fact*, 2021, no 1 (19) pp. 145–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-19-145-162>

References

1. Adamovich, G. *Sobranie sochinenii: “Kommentarii”* [Collected Works: Commentary], comp. O.A. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2000. 757 p. (In Russ.)
2. *Andrei Belyi i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919* [Andrei Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2001. 608 p. (In Russ.)
3. Blok, A.A. *Zapisnye knizhki. 1901–1920* [Notebooks. 1901–1920]. Moscow, IHL Publ., 1965. 663 p. (In Russ.)
4. Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Moscow; Leningrad, GIKhL Publ., 1960–1963. (In Russ.)
5. *Blok v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [A. Blok in Memoirs of His Contemporaries: in 2 vols.], vol. 2, comp., text prep. and comm. by Vl. Orlov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980. 527 p. (In Russ.)
6. Orlov V. “Iz neizdannykh tekstov Aleksandra Bloka” [“From the Unpublished Texts by Alexander Blok”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 27–28. Moscow, Zhurnal’no-gazetnoe ob’edinenie Publ., 1937, pp. 675–682. (In Russ.)

7. *Blokovskii sbornik. Trudy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi izucheniiu zhizni i tvorchestva A.A. Bloka, may 1962 goda* [Blok Collection. Proceedings of the Scholar Conference on A.A. Blok's Life and Work, May, 1962] Tartu, 1964. 575 p.
8. Bogomolov N.A. 'Proekt «Akmeizm».' [Project "Akmeizm"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 58 (6), 2002, pp. 140–180. (In Russ.)
9. *Georgii Vladimirovich Ivanov: Issledovaniia i materialy: 1894–1958: II Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia* [Georgii Vladimirovich Ivanov: Studies and Materials: 1894–1958: II International Scholar Conference], ed. R.R. Kozhukharov. Moscow, Literaturnyi institut im. A.M. Gor'kogo Publ., 2021. (In print) (In Russ.)
10. *Zhizn' Nikolaia Gumileva: Vospominaniia sovremennikov* [The Life of Nikolay Gumilev: Memoirs of the Contemporaries], comp. Iu.V. Zobnin, V.P. Petranovskii, A.K. Staniukovich. Leningrad, Izd-vo Mezhdunarodnogo fonda istorii nauki Publ., 1991. 333 p. (In Russ.)
11. Ivanov G. *Kitaiskie teni. Memuarnaia proza* [Chinese Shadows. Memoir Prose.], comp. S.R. Fediakin. Moscow, AST Publ., 2013. 778 p. (In Russ.)
12. Ivanova Evg. *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni*. [Alexander Blok: The Last Years of His Life]. St. Petersburg; Moscow, Rostok Publ., 2012. 604 p. (In Russ.)
13. Ivanova Evg. *Ianvarskaia trilogiia Aleksandra Bloka: "Intelligentsiia i revoliutsiia", "Dvenadtsat'", "Skify"* [January Trilogy by Alexander Blok: "Intelligentsia and Revolution", "The Twelwe", "Skify"]. Moscow, Ruteniia Publ., 2020. 304 p. (In Russ.)
14. Ivnev Riurik. *Dnevnik: 1906-1980* [Diary: 1906-1980], comp. N.P. Leont'ev, comm. A.P. Dmitriev. Moscow, Ellis Lak Publ., 2012. 877 p. (In Russ.)
15. *Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov. Sobytiia. Otryvy sovremennikov. Bibliografiia*. [The Literary Life of Russia in the 1920s. Events. Reviews of Contemporaries. Bibliography], vol. 1, part 1 Moskva i Petrograd. 1917–1920 gg. [Moscow and Petrograd. 1917–1920], ed. A.Iu. Galushkin. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 766 p. (In Russ.)
16. Mets, G.A. *Tenisevskoe uchilishche i drugie raboty ob Osipe Mandel'shtame i ego vremeni* [Tenishev School and Other Works on Osip Mandelstam and His Time]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2020. 356 p. (In Russ.)
17. "Perepiska <A. Bloka> s Vl. Piastom" ["Correspondence [of A. Blok] with Vl. Piast"], introd., publ. and comm. Z.G. Mints. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 92: Aleksandr Blok: Noveye materialy i issledovaniia [Alexander Blok: New Materials and Studies], book 2. Moscow, Nauka Publ., 1982. pp. 175–228. (In Russ.)
18. Piast Vl. *Vstrechi* [Encounters], ed. R. Timenchik. Moscow, NLO Publ., 1997. 416 p. (In Russ.)
19. Timenchik R.D. "O fakticheskom substrate memuarov G.V. Ivanova" ["On the Factual Substrate of G.V. Ivanov's Memoirs"]. *De visu*, no. 1/2 (14), 1994, p. 67. (In Russ.)
20. Timenchik R.D. "Piast V." ["Piast V."]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary], vol. 5. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 228–231. (In Russ.)
21. Timenchik, R. *Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka* [What's All About: Essays on Russian Literature of the Past Century]. Jerusalem; Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)
22. Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi: v 3 t.* [Notes on Anna Akhmatova: in 3 vols.]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. (In Russ.)
23. Chukovskii, K. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 12: Diary, 1901–1921, comm. E. Chukovskaia. Moscow, Terra Publ., 2006. 591 p. (In Russ.)
24. Chukovskii, K. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 13: Diary, 1922–1925, comm. E. Chukovskaia. Moscow, Terra Publ., 2006. 656 p. (In Russ.)